

Ганенков Д.С., Майсак Т.А., Мерданова С.Р. Пространственные и непространственные значения локализации APUD «возле ориентира» в агульском языке // Алексеев М. Е. (ред.) Гора языков... и еще один: К 100-летию Евгения Алексеевича Бокарева. М., 2006. С. 27-61.

Д. С. Ганенков, Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова

Пространственные и непространственные значения локализации APUD 'возле ориентира' в агульском языке

1. Падежные системы дагестанских языков и вклад Е. А. Бокарева в их изучение

Отличительной чертой дагестанских языков является, как известно, богатство падежных систем, которые наряду с основными «грамматическими» падежами (такими, как номинатив, эргатив, датив, генитив и иногда некоторые другие) включают и значительное число пространственных форм имени – локативных (или «местных») падежей. Именно наличие большого числа пространственных форм позволяет говорить о том, что «числом своих падежей дагестанские языки превосходят все другие языковые группы мира» [Бокарев 1948б: 56].

Дагестанским падежам посвящен целый ряд работ Е. А. Бокарева 1940-х–60-х гг. Прежде всего стоит отметить его обобщающие статьи «Выражение субъектно-объектных отношений в дагестанских языках» [Бокарев 1948а] и «О категории падежа (применительно к дагестанским языкам)» [Бокарев 1954а]. В первой из работ подробно характеризуются представленные в дагестанских языках способы падежного оформления субъекта и объекта в зависимости от «семантико-грамматической группы» глаголов: обсуждаются, в частности, особенности оформления членов предложения при стандартных переходных глаголах, при глаголах чувственного восприятия, при таких особых типах лексем, как «глаголы внешнего воздействия» и «глаголы стремления», а также в посессивных предложениях и побудительных конструкциях. Отмечается, что «в дагестанских языках нет единого падежа подлежащего» и что «структура предложения определяется двусторонним управлением глагола», т.е. сказуемое управляет не только дополнением, но и подлежащим, в зависимости от семантики глагола. По мнению Е. А. Бокарева, «для синтаксиса дагестанских языков особую важность приобретает вопрос о грамматической группировке глаголов в связи с тем, какого падежа подлежащего и какого падежа дополнения они требуют» [Бокарев 1948а: 45]; в последующие десятилетия эта точка зрения получила подтверждение и развитие в работах отечественных кавказоведов.

Следующая из упомянутых статей содержит одну из первых в отечественном языкознании попыток обсуждения проблемы выделения падежей: рассматриваются как различные подходы к понятию падежа (от античных грамматистов до О. Есперсена), так и процедура их выделения на материале дагестанских языков; особое внимание уделено проблеме различения собственно падежа и сочетания с послелогом. В целом же Е. А. Бокарев приходит к выводу, что «только грамматическая система каждого отдельного языка, ее специфические особенности могут определить и конкретную методику выявления падежей», при этом недопустимо выделение падежных систем, «основанных или на априорных, логически сконструированных схемах отношений, или же на падежной системе какого-либо одного языка, произвольного выбранного в качестве универсального языкового стандарта» [Бокарев 1954а: 46].

Одним из первых Е. А. Бокарев описал падежные системы цезских языков. Образование и значение падежей пяти языков цезской группы – цезского, гинухского, хваршинского, бежтинского и гунзибского – достаточно подробно характеризуется в фундаментальной монографии «Цезские (дидойские) языки Дагестана» [Бокарев 1959]. Этому исследованию предшествовали отдельные статьи, в которых рассматривался цезский эргатив [Бокарев 1954б] и история склонения в языках цезской группы [Бокарев 1956]. Еще одним диахроническим исследованием дагестанских падежей стала работа [Бокарев 1960], в которой впервые была предложена реконструкция падежной системы пралезгинского языка¹.

Большое значение для типологии падежных систем в языках мира имеет и статья «Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках» [Бокарев 1948б], цитата из которой была приведена в начале. В этой работе Е. А. Бокарев систематизировал данные об образовании пространственных падежей, об их прямых и переносных значениях, а также о функционировании аналогичных пространственных показателей в системе глагола (в том числе в качестве источников различных видо-временных показателей). В заключении исследователь формулирует следующий вывод: «В грамматической системе дагестанских языков выражение пространственных отношений, часто очень детализированных и конкретных, играет очень большую роль. По существу всю грамматику пронизывают элементы, выражающие эти отношения. Наиболее четки эти элементы в местных падежах. В виде окаменелых остатков их можно обнаружить и в “чисто грамматических” падежах, в системе глагольных форм, в местоимениях и наречиях» [Бокарев 1948б: 68].

Обратимся теперь к дагестанским пространственным падежам более подробно².

Как справедливо указывает Е. А. Бокарев, «образование местных падежей в дагестанских языках в большинстве случаев представляет собой поразительно четкую и симметричную систему. Местные падежи, близкие по своему значению, обозначаются близкими по форме показателями. Поэтому их рассмотрение можно производить не поодиночке, а объединенными в группы, получившие в специальной литературе название “серий”» [Бокарев 1948б: 56-57].

Действительно, необычайное многообразие дагестанских пространственных падежей – число которых может достигать пяти десятков³ – обусловлено тем, что каждый пространственный падеж представляет собой сочетание двух категорий: локализации (которые и образуют «серии») и направительного падежа. Структура падежного показателя, соответственно, имеет вид: «морфема локализации + морфема направительного падежа».

Категория локализации характеризует некоторую область пространства по отношению к ориентиру, т.е. тому объекту, который обозначен именем существительным. Категория направительного падежа характеризует направление движения главного участника ситуации относительно области пространства, задаваемой значением категории локализации. Так, в агульском примере *R.adi-l-as alajčune* ‘слез с **крыши**’ показатель локализации *-l-* задает в качестве области пространства верхнюю поверхность ориенти-

¹ На эти работы Е. А. Бокарева в значительной степени опираются и дальнейшие исследования по реконструкции морфологической структуры на пралезгинском, прааваро-андо-цезском и, далее, пранахско-дагестанском уровне (см. прежде всего [Алексеев 1985; 1988; 2003]).

² Среди работ, продолжающих исследования Е. А. Бокаревым по пространственным падежам дагестанских языков, можно в первую очередь отметить материалы сборников [Именное склонение... 1979; Падежный состав... 1987; Выражение пространственных отношений... 1990], обобщающие работы [Кибрик 1970; Тестелец 1980; Кибрик 2003: гл. 12] и др.

³ Авторы работы [Comrie, Polinsky 1998] отмечают даже тот факт, что в одном из изданий «Книги рекордов Гиннесса» табасаранский язык упомянут как язык с наибольшим числом падежей – 48 (при 53 падежах в северном диалекте).

ра (в данном случае крыши), а показатель направления *-as* указывает на то, что участник движется в сторону удаления от ориентира. В примере же *ustūli-k-ti kerxune* ‘упал под стол’ показатель локализации *-k-* указывает на пространство под ориентиром (которым является стол), а аффикс *-di (-ti)* обозначает движение по направлению к данной области пространства.

В большинстве описательных грамматик дагестанских языков собственно пространственное значение показателей локализации, как правило, рассматривается в качестве основного, если не единственного. Вместе с тем, как продемонстрировано на широком материале в статье [Бокарев 1948б: 62-66], использование локализаций далеко не ограничивается пространственными контекстами. Во всех дагестанских языках пространственные падежи широко используются для выражения нелокативных дополнений глагола (например, инструмента, причины, цели, обстоятельств времени), а в некоторых случаях и для выражения глагольных актанта.

Ниже мы подробно рассмотрим использование локализаций в непространственных контекстах на примере одного из «многopaдежных» языков Дагестана – агульского языка лезгинской группы (в основу положен говор с. Хпюк).

2. Падежная система агульского языка

В агульском языке представлена стандартная для дагестанских языков падежная система, в которой традиционно выделяются две группы падежей – грамматические и пространственные.

Основная функция грамматических падежей заключается в маркировании определенной семантической роли глагольного актанта, обозначенного именной группой. Таких падежей пять:

- **НОМИНАТИВ**⁴ кодирует основного участника непереходного глагола и пациенс переходного,
- **ЭРГАТИВ** (совпадает с косвенной основой) кодирует агенс переходного глагола,
- **ДАТИВ** (показатель *-s*) кодирует экспериенцер, адресат, бенефактив и др. роли,
- **КОМИТАТИВ** (показатель *-qaj*) выражает значение совместности, указывая на второстепенного участника ситуации,
- а также **ГЕНИТИВ** (показатель *-n*), который маркирует имя, зависимое от другого имени, выражая при этом различные определительные отношения.

Пространственных падежей в хпюкском говоре насчитывается двадцать (по диалектам – до двадцати четырех⁵): категория локализации принимает семь значений, категория направительного падежа – три. (Ниже, согласно существующей традиции, мы используем общепринятые латинские наименования локализаций; при этом стоит иметь в виду, что эти ярлыки далеко не исчерпывающим образом отражают семантику показателей.)

Имеются следующие семь показателей локализации:

ANTE	‘пространство перед ориентиром’
APUD	‘область пространства рядом с ориентиром’

⁴ Номинатив, как правило, совпадает с исходной («прямой») основой имени; все прочие падежи образуются от производной от нее косвенной основы.

⁵ В отличие от некоторых других агульских диалектов, в хпюкском говоре фонетически совпали показатели двух локализаций – SUB и CONT (тогда как в собственно агульском диалекте для их выражения используются, соответственно, показатели *-k̄-* и *-k-*). Эта черта сближает хпюкский говор с лезгинским языком, к которому он примыкает территориально.

IN	‘внутренняя область ориентира’
INTER	‘пространство между элементами множества или совокупности, служащих ориентиром’
SUB/CONT	‘пространство под ориентиром’/‘в тесном контакте, в смешении с ориентиром’
SUPER	‘верхняя поверхность ориентира’
POST	‘пространство позади ориентира’.

В основе системы направительных падежей лежит распространенное троичное противопоставление:

- ЭССИВ (не маркирован) – ‘покой объекта относительно ориентира’ (во многих случаях имеет также и лативное значение);
- ЛАТИВ (показатель *-di*) – ‘движение объекта к ориентир’;
- ЭЛАТИВ (показатель *-as*) – ‘удаление объекта от ориентира; движение по/через ориентир’.

Отметим, что не все комбинации направительного падежа и локализации возможны: латив не сочетается с локализацией IN, в значении ‘движение внутрь ориентира’ используется датив. Полностью парадигма пространственных падежей приведена в таблице 1 на примере существительного *cil* ‘стена’ (косвенная основа *cil.i*).

Таблица 1. Парадигма пространственных падежей существительного *cil* ‘стена’.

	ЭССИВ	ЛАТИВ	ЭЛАТИВ
IN	<i>cil.i-ʔ</i>	(<i>cil.i-s</i>)	<i>cil.i-ʔ-as</i>
APUD	<i>cil.i-w</i>	<i>cil.i-w-di</i>	<i>cil.i-f-as</i>
SUPER	<i>cil.i-l</i>	<i>cil.i-l-di</i>	<i>cil.i-l-as</i>
SUB/CONT	<i>cil.i-k</i>	<i>cil.i-k-ti</i>	<i>cil.i-k-as</i>
INTER	<i>cil.i-ʃ</i>	<i>cil.i-ʃ-di</i>	<i>cil.i-ʃ-as</i>
ANTE	<i>cil.i-h</i>	<i>cil.i-h-ti</i>	<i>cil.i-h-as</i>
POST	<i>cil.i-q</i>	<i>cil.i-q-ti</i>	<i>cil.i-q-as</i>

Если с формальной стороны система падежных форм была достаточно подробно описана в грамматиках агульского языка [Шаумян 1941; Магомедов 1970; Сулейманов 1993], семантика падежных показателей была до недавнего времени крайне мало изучена; единственной специальной работой, посвященной употреблению показателей локализаций в хпюкском говоре агульского языка, является статья [Ганенков, Мерданова 2003].

Настоящая статья посвящена семантике локализации APUD в агульском языке, причем в центре нашего внимания будут главным образом непространственные употребления данной локализации. В целом, те или иные непространственные употребления свойственны всем агульским локализациям. Так, одной из основных функций супер-латива является выражение инструмента (ср. *kant'.ala-l-di at'une* ‘ножом порезал’); субконт-элатив выражает такое значение, как тема речи (ср. *defü.ji-k-as raXas* ‘разговаривать о войне’) или причина (ср. *me ifal.i-k-as k'ine* ‘умер из-за этой болезни’), а пост-эссив или пост-латив вводит обстоятельство цели (ср. *xif.a-q / xif.a-q-ti usune* ‘пошел за водой’). Особенностью же локализации APUD является то, что для нее как раз пространственные употребления характерны в меньшей степени, тогда как непространственных употреблений выделяется достаточно много, причем они весьма интересны с типологической точки зрения.

3. Падежи локализации APUD в пространственных употреблениях

Пространственным – и, по-видимому, диахронически исходным⁶, – значением локализации APUD является местонахождение около ориентира, ср. (1) с формой апуд-эссива в лативном значении, а также (2) с апуд-элативом:

- (1) šaw xīn diwan **dak'ar.i-w** f-ix.a-se!
давай мы(Incl):Erg диван **окно -Apud** Apud-класьть.Ipf-Fut
Давай мы диван к окну поставим!
- (2) **cil.i-f-as** haṭ-u čuwal!
стена-Apud-Elat убирать-Imp мешок
Убери мешок от стены!

Следует, однако, отметить, что в данном пространственном контексте не всегда употребляется именно эта локализация. Необходимым условием, делающим возможным ее употребление, является наличие компонента случайности, а, следовательно, и временности, пространственного расположения. Так, высказывание (1) уместно в ситуации ремонта, когда требуется временно переставить диван на другое место. Однако в том случае, когда речь идет о постоянном размещении мебели в комнате, подобное высказывание недопустимо:

- (3) – Куда же нам лучше поставить шкаф?
?? aškaf **dak'ar.i-w** f-ix!
шкаф **окно-Apud** Apud-класьть:Imp
– *Поставь шкаф у окна! {Там он лучше смотрится.}*

Конкурентом локализации APUD в данном контексте выступает локализация POST, которая, напротив, указывает на стабильность пространственной конфигурации. Эта стабильность может осмыслиться как постоянное или регулярное местонахождение объекта около ориентира, ср.:

- (4) idem-ag hamiša **kanṭur.i-q** qa-jef-e.
мужчина-Pl всегда **контора-Post** Post:находиться-Part2-Cop
Мужики (все время) возле конторы сидят. {Речь идет, например, о сельсовете на главной площади.}

Аналогично, в ситуации с расстановкой мебели, описанной выше, локализация POST была бы употреблена, если бы имелось в виду постоянное расположение шкафа возле окна:

- (5) aškaf **dak'ar.i-q** q-ix!
шкаф **окно-Post** Post-класьть:Imp
– *Поставь шкаф у окна! {Там он лучше смотрится.}*

Другой пространственный контекст, показывающий важность компонента «случайности» отношения между объектом и ориентиром, иллюстрируется примером (6), где форма апуд-элатива используется в пролативном значении ('движение по/через'). Такое употребление, как и в случае с примером (1) выше, возможно лишь благодаря указанию на кратковременный, случайный характер перемещения субъекта с помощью глагола *haṭarxas* 'миновать' (при использовании другого глагола предложение находи-

⁶ На существование пралезгинского падежа со значением нахождения возле ориентира указывается еще в работе Е. А. Бокарева (1960 г.). М. Е. Алексеев возводит агульский показатель *-w/-f-* к пралезгинскому **-ṭəw* 'около ориентира'; этот показатель отмечен в большинстве современных лезгинских языков и, помимо исконного, в различных языках может выражать значения принадлежности, совместности, инструмента и пр. [Бокарев 1960: 50; Алексеев 1985: 49-52]; некоторые возможные этимологические параллели данного аффикса на общедагестанском уровне указываются в [Алексеев 2003: 149-151].

лось бы на грани грамматичности):

- (6) **če** **Xul.a-f-as** **haṭarx.u-na** **meHemed** **š.u-ne.**
наш:Excl **дом -Apud-Elat** миновать.Pf-ConV Магомед **уходить.Pf-Perf**
Мимо нашего дома прошел Магомед (= миновал, прошел).

При явном указании на длительный или регулярный характер движения мимо ориентира – например, в хабитуальных контекстах – употребление формы апуд-элатива недопустимо; в данном случае могла бы быть употреблена только локализация POST или ANTE (желательно с наречием *tič* ‘туда’ или послелогом):

- (7) ***har** **jaRa** **če** **Xul.a-f-as** **ʕ.a-jef-e** **ge.**
каждый день:Adv наш:Excl **дом-Apud-Elat** идти.Ipf-Part2-Conp этот
Каждый день он проходит мимо нашего дома.

Как мы увидим ниже, идея наличия временного, случайного, независимого от свойств ориентира отношения между ним и объектом является определяющей и для непространственных употреблений показателя локализации APUD.

4. Локализация APUD при выражении актуального possessора и источника информации

Наиболее распространены пространственные употребления локализации APUD в контексте глаголов с превербом *f*, этимологически тождественном показателю локализации⁷. Среди этих глаголов, например, *f-ixas* ‘класть, ставить возле Y’, *f-ajč’as* ‘отодвинуться от Y’, *f-ačad,as* ‘притянуть, подвинуть ближе к Y’ и др. (падеж локализации APUD при этих глаголах оформляет место, обозначенное как Y).

К числу этих глаголов относится и стив *f-aa* ‘находиться возле (временно)’, ср.:

- (8) **Xülžek** **gahge** **cil.i-w** **fa-a.**
веник **вон.тот** **стена-Apud** Apud:находиться-Prs
Веник вон у той стены стоит.

Вместе с тем, в случае, если актант, оформленный апуд-эссивом, выражен одушевленным именем существительным, конструкция с глаголом *f-aa* имеет уже не пространственное значение, а выражает актуальное обладание⁸:

- (9) – Давай поедим!
za-w **nis=na** **guni** **fa-a.**
я-Apud сыр=и хлеб Apud:находиться-Prs
У меня (с собой) сыр и хлеб есть.

При том, что порядок слов в агульском языке в целом свободный, наиболее нейтральной позицией для актанта в апуд-эссиве во втором случае является начальная, тогда как в пространственном употреблении в начале стоит скорее название объекта (в номинативе), а не ориентира. Это не удивительно, если учесть, что в possessивных высказываниях именно обладатель – как правило, одушевленный и референциально определенный участник – является топиком; в целом для языков мира характерно приобретение именно такого расположения составляющих (обладатель ~ обладаемое) в ходе

⁷ Большинство агульских глагольных превербов этимологически тождественны показателям локализаций; как правило, префиксальный глагол требует оформления одного из своих актантов или сирконстантов соответствующим показателем локализации (подробнее см. [Майсак, Мерданова 2003]).

⁸ Чистого глагола обладания типа англ. *have* или русск. *иметь* в агульском, как и в большинстве нахско-дагестанских языков, нет — это значение передается при помощи исходно пространственной конструкции, отчасти аналогичной русской “у Y-а есть X”.

грамматикализации посессивной конструкции⁹.

Апуд-эссив, таким образом, маркирует в агульском языке роль актуального посессора. Постоянный же посессор выражается пост-эссивом, о связи которого с обозначением устойчивых или длительных отношений уже говорилось выше; ср. контраст двух конструкций с *q-aa* ‘иметь, обладать (постоянно)’ и *f-aa* ‘иметь при себе, в наличии’ в следующих контекстах:

(10) а. – Сколько у тебя детей?

za-q ʔu ruʃ=na sa gada qa-a.
я-Post два дочь=и один сын Post:находиться-Prs
 – *У меня есть две дочери и один сын.*

б. ruʃ **dad.a-w** fa-a, gada **baw.a-w**.
 дочь **отец-Апуд** Апуд:находиться-Prs сын **мать-Апуд**

[Родители разошлись: теперь] дочь при отце (= дочь у **отца** есть), сын при матери (= сын у **матери**).

(11) – Ты же говорил, что у тебя есть деньги?!

zun wa-s “**za-w** fa-a” p.u-ndawa,
 я:Erg ты-Dat **я-Апуд** Апуд:находиться-Prs говорить.Pf-Perf.Neg
 “**za-q** qa-a” p.u-ne.
я-Post Post:находиться-Prs говорить.Pf-Perf

– *Я же тебе не сказал: “при мне есть”, сказал: “у меня (в принципе) есть”.*

С рядом других глаголов формы апуд-латива и апуд-элатива используются в значении, соответственно, временного реципиента (‘тот, кто временно получает объект в обладание’)¹⁰ и исходного посессора (‘тот, кто утрачивает обладание объектом’). К таким лексемам относятся глаголы действия типа *ic’as* ‘давать’, *f-ačatas* ‘давать на время’, *f-aī.as* ‘отнимать’ и др., ср. некоторые примеры:

(12) **ruʃ.a-w-di** tin sumka!
 дочь-Апуд-Lat дать:Imp сумка
Дай дочери сумку! {Она в магазин идет}

(13) **baw.a** **gada.ji-f-as** kant' f-aī.u-ne.
 мать:Erg **сын-Апуд-Elat** нож Апуд-забирать.Pf-Perf
Мать у сына нож отобрала.

В значении приобретения (а не обладания) может использоваться и апуд-эссив, ср. следующие примеры с приставочным глаголом *fa-č-arxas* (букв. «двигаясь, оказаться рядом перед кем-либо»), который означает ‘попасться в руки, достаться’:

(14) а. **za-w** sa iže kitab fa-č-arx.u-ne.
я-Апуд один хороший книга Апуд-Lat-попадать.Pf-Perf
Мне попала одна хорошая книга.

б. **za-w** fačarx.u-ne kitan.
я-Апуд поймать.Pf-Perf кошка
Я поймал кошку (≈ мне попала в руки кошка).

По-видимому, на метафорическом осмыслении источника движения или исходного посессора основано также использование апуд-элатива в модели управления глаголов *hurXas* ‘спрашивать’, *Xabar Ruʃas* ‘спрашивать’, *Narxas* ‘узнавать’ и др. при обозна-

⁹ Подробнее о грамматикализации посессивных конструкций см. типологическую работу [Heine 1997: ch.2].

¹⁰ Семантическая роль постоянного реципиента кодируется дативом: ср. *ruʃa-s peškeš q'e sumka* ‘подари дочери сумку’.

чении источника информации ('тот, у кого спрашивают/узнают'), ср.:

(15) *baw-a ruṣ.a-f-as dars hurX.u-ne.*
 мать-Erg дочь-Apud-Elat урок спрашивать.Pf-Perf
Мать у дочери урок спросила.

(16) *za-s le gada.ji-f-as Narx.u-f-e.*
 я-Dat это сын-Apud-Elat узнавать.Pf-Part-Cop
Я узнал это от сына.

Отметим, что для выражения источника информации при глаголе *Narxas* 'узнавать' возможно использование элатива в сочетании как с локализацией APUD, так и с локализациями ANTE, POST и SUB/CONT (ср. *gadaji-h-as, gadaji-q-as, gadaji-k-as* 'у сына'). При этом в случае, когда для выражения источника информации выбирается показатель апуд-элатива, речь обычно идет о получении информации вследствие каузации источника со стороны экспериенцера (того, кто получает информацию). Эта каузация может осуществляться различными способами: экспериенцер может прямо задать источнику вопрос, косвенно заставить его сообщить информацию, вывести что-то незаметно для самого источника и т.д. В тех же контекстах, где очевидна невозможность каузации источника (например, при получении информации из газеты), употребление апуд-элатива крайне сомнительно.

5. Апуд-элатив при выражении субъекта возможности

В ряде дагестанских языков отсутствует специальная лексема со значением 'мочь'; этот смысл выражается при помощи особой конструкции с глаголом 'становиться'¹¹. Субъект возможности (тот, кто может осуществить действие) выражается в данном случае не номинативом, как при глаголе 'становиться', а одним из локативных падежей; вершина зависимой предикации (ситуация, осуществление которой возможно) оформляется инфинитивом. В агульском языке падежом, оформляющим субъект в конструкции возможности, является апуд-элатив, ср. использование глагола *has* 'стать' в бытийном значении в (17а) и в значении 'мочь' в (17б):

(17) а. *ze gada müʕelim x.a-se.*
 [мой сын:Nom] [учитель:Nom] **стать.Ipf-Fut**
*Мой сын **станет** учителем.*

б. *ze gada.ji-f-as wa-s kümek aq'.a-s x.a-se.*
 [мой сын-Apud-Elat] [ты-Dat помощь делать.Ipf-Inf] **стать.Ipf-Fut**
*Мой сын **сможет** тебе помочь (= *помощь сделать*).*

Данная конструкция выражает как значение «внутренней» возможности (обусловленной свойствами субъекта, например его физическим состоянием), ср. (18), так и значение «внешней» возможности (обусловленной обстоятельствами), ср. (19):

(18) *wa-f-as me čuwal Rahad.a-s x.a-se-wa?*
 ты-Apud-Elat этот мешок поднимать.Ipf-Inf стать.Ipf-Fut-Q
***Ты сможешь** (= *способен*) **поднять** этот мешок?*

(19) *allah.ṭi-qaj du.a-s x.a-f-e-wa?*
 Аллах-Comit тягаться.Ipf-Inf стать.Ipf-Part-Cop-Q
***Разве можно** (= *позволено*) **состязаться** с Аллахом?*

¹¹ Данное явление распространено прежде всего в языках лезгинской группы (агульском, табасарском, лезгинском, будухском, крызском, удинском, в качестве одного из вариантов в арчинском и рутульском), а также по кр. мере в бежтинском и некоторых языках даргинской группы; см. данные в [Кибрик, Кодзасов 1988: 182-183].

Значение эпистемической возможности ('возможно, вероятно') конструкция с глаголом *has* выражать не может; не сочетается она и с неконтролирующими ситуацию и неодушевленными субъектами. В таких контекстах ('может пойти дождь', 'хлеб может зачерстветь', 'мальчик может заболеть' и пр.) используется простая форма будущего времени (буки. «пойдет дождь», «хлеб зачерствеет» и т.п.), либо особые модальные слова.

Именная группа, выраженная апуд-элативом, не является синтаксически обязательной в описываемой конструкции: предложение без субъектной группы не эллиптически и имеет безличное значение 'может иметь место ситуация P', ср. (19), а также:

(20) а. ruš.a-f-as kitab ruX.a-s **x.u-ne.**
 девочка-Апуд-Елат [книга читать.Ipf-Inf] **статья.Pf-Perf**
Девочка смогла прочесть книгу.

б. kitab ruX.a-s **x.u-ne.**
 [книга читать.Ipf-Inf] **статья.Pf-Perf**
Книгу {напр., написанную на неизвестном языке} удалось прочесть.

Тем самым, субъект возможности, выраженный апуд-элативом, является факультативным участником ситуации, обозначаемой предикатом *has* 'быть возможным (о ситуации)'; в этом отношении он сопоставим с так называемым «ненамеренным агенсом», который также может быть выражен в качестве факультативного участника при непереходных глаголах (см. раздел 7).

Имеются и другие лексемы, смысл которых близок к 'мочь' и у которых субъект возможности выражается апуд-элативом. Это однокоренные префиксальные глаголы *ala-t-urq'as* 'быть в состоянии, быть способным' и *a-t-urq'as* 'справляться, иметь возможность осуществить действие'¹²; субъект возможности выражается при них либо апуд-элативом, либо падежом, соответствующим содержащемуся в лексеме локативному префиксу – соответственно, супер-элативом и ин-элативом. Наиболее характерно использование этих глаголов в отрицательных формах, ср.:

(21) safira ala-turq'.a-f-tawa **wa-f-as //** wa-l-as.
 что_либо быть_способным.Ipf-Part-Cop:Neg **ты-Апуд-Елат** ты-Super-Елат
Ты ни на что не способен (= не справишься).

(22) **za-f-as** a-turq'.a-dawa.
я-Апуд-Елат удаваться.Ipf-Cop:Neg
(Это дело) у меня не выходит. {Не хватает сил, времени, никак не справляюсь.}

В отличие от предиката *has* 'быть возможным (о ситуации)', аргумент в апуд-элативе (или, соответственно, супер-элативе/ин-элативе) при глаголах *ala-t-urq'as* и *a-t-urq'as* является обязательным.

Таким образом, в конструкции со значением возможности для кодирования субъекта используется не один из «ядерных» агульских падежей (номинатив, эргатив или даже датив), а один из «периферийных» падежей – апуд-элатив. По всей видимости, связано это с тем, что в POSSIBILITY-конструкции субъект также не обладает важнейшей характеристикой агенса – полным контролем над ситуацией (ситуация представляется по отношению к субъекту как потенциально возможная либо «дозволенная»).

¹² Глаголы образованы от корня *-urq'* при помощи, соответственно, превербов локализации *al(a)-SUPER* и *(?)a- IN*, а также элативного преверба *-t-*. Тот же корень содержится в префиксальных лексемах *al-urq'as* 'падать', *q-urq'as* 'сталкиваться', *a-š-urq'as* 'помещаться в чем-л.'; ср. также непроизводный глагол *urq'as* 'удариться'.

6. Падежи локализации APUD при выражении каузируемого участника

В агульском языке наиболее продуктивным типом актантной деривации является каузатив, т.е. введение в число участников ситуации агенса¹³. Каузативная конструкция образуется аналитически при помощи вспомогательного глагола (a)q'as 'делать' и инфинитива смыслового глагола. Именная группа, выражающая каузатора действия, маркируется эргативом – падежом агенса переходного глагола. Особый же интерес представляет маркирование каузируемого участника (Causee); в хпюкском диалекте можно говорить о двух стратегиях его оформления.

Первая стратегия является «нейтральной», в этом случае оформление каузируемого участника определяется моделью управления смыслового глагола: ср. в (23) номинатив при непереходном глаголе, в (24) датив при экспериенциальном глаголе, в (25) супер-эссив при сложном глаголе aXun alčaŋ.as, собственно глагольная часть которого содержит преверб al- локализации SUPER:

(23) а. kitan hiš.i-ne.
кошка:Nom убежать.Pf-Perf
Кошка убежала.

б. baw.a kitan hiš.a-s q'.u-ne.
мать:Erg [кошка:Nom убежать.Ipf-Inf] делать.Pf-Perf

*Мать сделала так, что **кошка** убежала (например, зашумела чем-то рядом с кошкой, из-за чего та испугалась).*

(24) а. dad.a-s wuri un x.u-ne.
отец-Dat всё:Nom слышать.Pf-Perf
Отец всё услышал.

б. baw.a dad.a-s wuri un x.a-s q'.u-ne.
мать:Erg [отец-Dat всё:Nom слышать.Ipf-Inf] делать.Pf-Perf
*Мать сделала так, чтобы **отец** все услышал.*

(25) а. šünük̄.i-l aXun alčaj-ne.
ребенок-Super сон:Nom налезать.Pf-Perf
Ребенок уснул.

б. baw.a šünük̄.i-l aXun alčaŋ.as q'.u-ne.
мать:Erg [ребенок-Super сон:Nom налезать.Ipf-Inf] делать.Pf-Perf
*Мать уложила **ребенка** спать.*

В случае каузативизации переходного глагола в предложении при нейтральной стратегии имеются две именные группы в эргативе, одна из которых обозначает каузатора, а другая – каузируемого участника, являющегося агенсом вложенной предикации:

(26) а. gada.ji šurpa ŋut'.u-ne.
мальчик:Erg суп:Nom есть.Pf-Perf
Мальчик поел суп.

б. baw.a gada.ji šurpa ŋut'.a-s q'.u-ne.
мать:Erg [мальчик:Erg суп:Nom есть.Ipf-Inf] делать.Pf-Perf

*Мать заставила **мальчика** поест суп (например, пригрозил чем-нибудь).*

Как видно по приведенным примерам, конструкция с глаголом (a)q'as 'делать'

¹³ Имеется также специфическая «проверятельная» конструкция на -čik'as, которую при одной из интерпретаций можно рассматривать как выражающую актантную деривацию: при этом в ситуацию вводится «проверяющий» – участник, который выясняет, узнает, осуществляется ли описываемое глаголом действие. Подробнее см. [Майсак, Мерданова 2003].

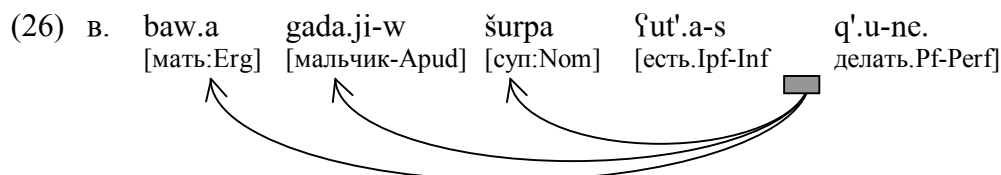
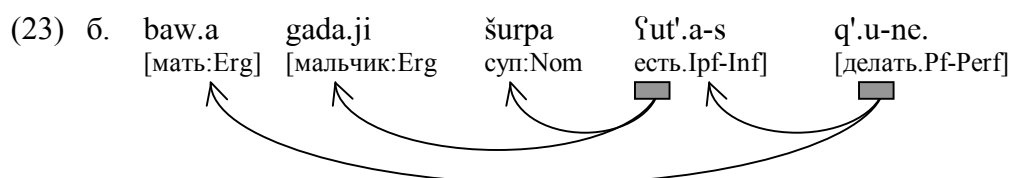
чаще выражает опосредованную каузацию (непосредственная, прямая каузация, как правило, выражается не грамматическими средствами, а при помощи соответствующих лексем, см. [Даниэль и др. 2004]). Каузируемый участник – например, кошка в (23), отец в (24), ребенок в (25) или мальчик в (26) – может не подвергаться прямому физическому воздействию со стороны каузатора, однако он вступает в ситуацию именно по воле каузатора, а не по собственному намерению.

При второй стратегии каузируемый участник оформляется апуд-эссивом или апуд-элативом, однако возможность использования данной стратегии сильно ограничена синтаксическими и семантическими свойствами глагола. Во-первых, имеется следующее синтаксическое ограничение: второй вариант каузативной конструкции отмечен только у переходных и одноместных номинативных глаголов (но не экспериенциальных и не глаголах с различного рода «неканоническим» оформлением субъекта, как в (24-25) выше), ср. соответствия примерам (23б) и (26б):

(23) в. baw.a gada.ji-w // gada.ji-f-as hiš.a-s q'.u-ne.
 мать:Еrg мальчик-Аrud мальчик-Аrud-Еlat убежать.Ipf-Inf делать.Pf-Perf
Мать заставила мальчика убежать.

(26) в. baw.a gada.ji-w // gada.ji-f-as šurpa ʕut'.a-s q'.u-ne.
 мать:Еrg мальчик-Аrud мальчик-Аrud-Еlat суп:Nom есть.Ipf-Inf делать.Pf-Perf
Мать заставила мальчика поест суп (например, пригрозила чем-нибудь).

Заметим, что варианты оформления каузируемого участника имеют не одинаковый статус для разных глаголов: для непереходных глаголов наиболее нейтральным является оформление номинативом (как в (23б)), тогда как для переходных предпочтительно оформление локативным падежом (как в (26в)). Последнее обстоятельство не удивительно и свидетельствует о переходе каузативной конструкции от биклаузалной (содержащей два простых предложения) к моноклаузалной (содержащей одно простое предложение) структуре: если в предложении типа (26б) оформление актантов ‘мальчик’ и ‘суп’ зависит от модели управления «вложенного» предиката ‘есть’, то в предложении типа (26в) все актанты зависят уже скорее от единого предиката ‘заставить есть’:

Во-вторых, имеются и семантические ограничения, связанные с невозможностью апуд-эссивного/апуд-элативного оформления каузируемого участника. При каузативизации неконтролируемых непереходных глаголов типа ‘заболеть’ оформление апуд-эссивом по меньшей мере сомнительно, а апуд-элативом невозможно:

(27) а. ruš iṭarx.u-ne.
 дочь:Nom заболеть.Pf-Perf
Дочь заболела.

- б. dad.a ruš // ??ruša-w // *ruša-f-as iṭarx.a-s q'.u-ne.
 отец:Erg дочь:Nom дочь-**Apud** дочь-**Apud-Elat** заболеть.Ipf-Inf делать.Pf-Perf
*Отец сделал так, что **дочь** заболела.*

Ограничения еще более сильны в случае, если субъектом вставленного глагола не является человек: в этом случае ни апуд-эссивное, ни апуд-элативное оформление не допускается:

- (28) gada.ji Hüni // *Hüni-w // *Hüni-f-as xilik'.e-s q'.u-ne.
 мальчик:Erg [корова:Nom корова-**Apud** корова-**Apud-Elat** умирать.Ipf-Inf] делать.Pf-Perf
*Мальчик сделал так, что **корова** умерла.*
- (29) gada.ji dar // *dar.ala-w // *dar.ala-f-as adarx.a-s q'.u-ne.
 мальчик:Erg [дерево:Nom дерево-**Apud** дерево-**Apud-Elat** падать.Ipf-Inf] делать.Pf-Perf
*Мальчик сделал так, что **дерево** упало.*
- (30) ruš.a berHem // *berHem.i-w // *berHem.i-f-as kur.a-s q'.u-ne.
 девочка:Erg [платье:Nom платье-**Apud** платье-**Apud-Elat** пачкаться.Ipf-Inf] делать.Pf-Perf
*Девочка сделала так, что **платье** испачкалось.*

В случае, если каузируемый участник не является человеком, апуд-элатив невозможен и при контролируемых динамических глаголах, ср. (31) с (23в) выше:

- (31) baw.a kitan.i-w // *kitan.i-f-as hiš.a-s q'.u-ne.
 мать:Erg [кошка-**Apud** кошка-**Apud-Elat** убежать.Ipf-Inf] делать.Pf-Perf
*Мать заставила **кошку** убежать.*

Для переходных глаголов ограничения не столь сильны, по всей видимости по причине того, что они изначально описывают контролируемые ситуации. Хотя апуд-элатив также допустим только для участников-людей, вариант с апуд-эссивом возможен для любых типов каузируемых участников, в т.е. неодушевленных. Ср., например, каузативизацию сложного предиката *c'aj facas* 'загореться, вспыхнуть' (буквально «схватить огонь»): субъект данного глагола оформляется эргативом, поскольку концептуализируется как агенс, и обе стратегии оформления в каузативной конструкции допустимы:

- (32) а. k'ur-ar.i c'aj fac.u-ne.
 дрова-Pl:Erg огонь:Nom хватать.Pf-Perf
Дрова загорелись (= схватили огонь).
- б. baw.a naff lat'.u-na,
 мать:Erg керосин:Nom лить.Pf-Conv
 k'ur-ar.i // k'ur-ar.i-w c'aj fac.a-s q'.u-ne.
 [дрова-Pl:Erg дрова-Pl-**Apud** огонь:Nom хватать.Ipf-Inf] делать.Pf-Perf
*Налив керосин, мать сделала так, что **дрова** загорелись.*

Варианты оформления каузируемого участника для разных типов глаголов суммированы в таблице 2. Как представляется, перечисленные ограничения можно свести к общему семантическому знаменателю: в каузативной конструкции апуд-эссив или апуд-элатив могут оформлять лишь исходно агентивного участника. Какой-либо ярко выраженный семантический контраст между конструкциями с оформлением каузируемого участника апуд-эссивом и апуд-элативом отсутствует, однако по различию в их дистрибуции (человек vs. прочие типы субъектов) можно предположить, что для возможности употребления апуд-элатива степень агентивности должна быть большей¹⁴.

¹⁴ Заметим, что апуд-элатив в каузативной конструкции используется при более широком классе глаголов, чем в конструкции с ненамеренным агенсом (см. ниже) – например, при стандартных переходных глаголах.

Таблица 2. Оформление каузируемого участника у глаголов разных типов.

Тип глагола	Оформление каузируемого участника
НЕПЕРЕХОДНЫЙ (субъект: номинатив)	ИСХОДНОЕ (номинатив): предпочтительно. АПУД-ЭССИВ: допустимо при наличии некоторой степени контроля со стороны участника. АПУД-ЛАТИВ: то же, но только для участников-людей.
ПЕРЕХОДНЫЙ (субъект: эргатив)	ИСХОДНОЕ (эргатив): допустимо. АПУД-ЭССИВ: предпочтительно. АПУД-ЛАТИВ: то же, но только для участников-людей.
С НЕКАНОНИЧЕСКИМ маркированием (субъект: датив, локативный падеж)	ИСХОДНОЕ (датив и т.п.): единственное возможное.

Таким образом, апуд-эссив и апуд-элатив в каузативной конструкции кодируют изначально агентивного участника, который в описываемой ситуации (в ситуации каузации действия) не является основным агенсом, а действует определенным образом вследствие воздействия другого агентивного участника (каузатора). Данный семантический компонент – отсутствие собственного намерения участника, обозначенного падежом локализации APUD, осуществление им ситуации при отсутствии полного контроля над ней – еще более очевиден в так называемой конструкции с «ненамеренным агенсом».

7. Апуд-элатив в конструкции с ненамеренным агенсом

Одним из важнейших непространственных употреблений локализации APUD в агульском языке является использование апуд-элатива в «конструкции с ненамеренным агенсом» (the Involuntary Agent Construction). Это название было предложено М. Хаспельматом, описавшим данную конструкцию в лезгинском языке следующим образом: «конструкция, в которой агенс выражен ад-элативом и которая имеет дополнительное значение ‘случайно, нечаянно, косвенным образом’» [Haspelmath 1993: 291].

О подобных синтаксических структурах писал в свое время и Е. А. Бокарев, классифицируя их как предложения «с указанием на логический субъект, выраженный дополнением». Опираясь на классическую работу П. К. Услара «Кюринский язык» (1896), он отмечал, что «в лезгинском языке, наряду с предложением *лежберди итим къена* ‘работник человека убил’, существует и предложение *лежбердивай итим къена* с тем же основным значением, но с дополнительным оттенком значения, подчеркивающим случайность производимого действия, отсутствие преднамеренности» [Бокарев 1948а: 39]. По мнению Е. А. Бокарева, такого рода конструкции «представляют собой зачаточную форму страдательного оборота с деятелем, выраженным дополнением». Вместе с тем, точка зрения, согласно которой эргативная именная группа четко противопоставлена локативной именной группе как подлежащее косвенному дополнению, не является беспорной, о чем будет специально сказано ниже.

Кроме лезгинского и агульского, данный тип конструкций представлен во многих нахско-дагестанских языках. Для выражения этого значения в бежтинском языке используется форма посс-эссива (т.е. форма, основной функцией которой является выражение предикативной посессивности), в багвалинском и лакском языках имеется специализированный показатель, выражающий данное значение (соответственно, показатели *-č'ali* и *-šā*), в большинстве же лезгинских языков (по крайней мере, в агульском, лезгинском, табасаранском, рутульском и цахурском) семантическая роль ненамеренного агенса кодируется при помощи апуд-элатива.

7.1. Семантика конструкции с ненамеренным агенсом

С семантической точки зрения ненамеренный агенс противопоставлен обычному агенсу, выраженному эргативом при переходном глаголе, и представляет собой участника, совершающего действие случайно, не желая этого, не контролируя ситуацию. Ср. следующие примеры:

(33) *baw.a neḱ aṭuz.u-ne.*
мать:Ерг молоко вылить(ся).Pf-Perf
Мать вылила молоко.

(34) *baw.a-f-as neḱ aṭuz.u-ne.*
мать-Аруд-Елат молоко вылить(ся).Pf-Perf
(Получилось так, что) У матери случайно вылилось молоко.

В рамках общего для всех употреблений значения ненамеренности и отсутствия со стороны субъекта контроля над ситуацией можно выделить две наиболее частотных и регулярных интерпретации. Во-первых, ненамеренный агенс может выступать как участник, который оказывает воздействие на объект случайно, не желая этого. Такая ситуация возможна, например, в том случае, если этот участник не контролирует свои действия полностью и не замечает, что воздействует на объект (см. пример (35) ниже). Другое осмысление конструкции с ненамеренным агенсом представлено в предложениях, описывающих такую ситуацию, которая осуществляется вследствие того, что субъект прилагает недостаточно усилий для ее предотвращения, ситуация происходит, так сказать, «по недосмотру» субъекта.

Помимо двух типов интерпретации собственно «ненамеренного» агенса, данная конструкция имеет еще одно совмещенное значение. Эта третья интерпретация конструкции связана с указанием на то, что субъект прилагает усилия для осуществления ситуации, и в результате этих усилий описываемая ситуация наступает. При этом презумпция такова, что наступление ситуации не гарантируется самим фактом приложения усилий, достижение результата в данном случае зависит не только от усилий субъекта, но и от некоторой внешней силы, субъекту должно «повезти», чтобы ситуация произошла. В этом значении конструкция с ненамеренным агенсом по своей семантике близка к модальным конструкциям с глаголом *xas* ‘стать’ (см. раздел 5).¹⁵

Ср. следующий пример, где возможны все три интерпретации:

(35) *ruṣ.a-f-as raḱ daq.u-ne.*
дочь-Аруд-Елат дверь открывать(ся).Pf-Perf
а. *Дочь случайно открыла дверь (потому что он задела ее плечом, играя на полу).*

б. *(Мать сказала дочери держать дверь, чтобы ветер ее не открыл, но дочь держала недостаточно сильно, и) У дочери дверь случайно открылась.*

в. *(Все дети пытались открыть дверь, но никто не мог, однако оказалось так, что) У дочери получилось открыть дверь.*

Как видно из приведенного примера, во всех трех указанных интерпретациях присутствует один и тот же компонент ‘субъект обладает пониженной степенью контроля над ситуацией’. Кроме того, общим для всех интерпретаций является и компонент неожиданности наступления ситуации, то, что ситуация происходит вопреки ожиданиям субъекта (или говорящего).

Таким образом, в целом можно сделать вывод о том, что участник, представленный в конструкциях типа (35), не является прототипическим агенсом в собственном

¹⁵ Такое совмещение значений (‘сделал случайно’ и ‘сумел’), как кажется, типологически достаточно распространено; см. об этом, а также в целом о семантике конструкций с ненамеренным агенсом в языках мира работу [Kittilä in prep.].

смысле слова, поскольку не контролирует возникновение ситуации (ср. (35а и 35б)), однако этот участник не всегда является и «ненамеренным», поскольку возможны такие осмысления конструкции, при которых он, наоборот, прилагает усилия для осуществления ситуации (ср. (35в)). Скорее, апуд-элатив в подобных конструкциях маркирует участника, ответственного за то, что ситуация произошла, при том, что сам он не играет роль агенса в этой ситуации.

Предположение о том, что этот участник не является собственно агенсом, подтверждается и теми ограничениями на сочетаемость, которые имеет апуд-элатив в данном значении. Прежде всего, следует отметить, что в качестве апуд-элативного актанта в конструкциях с ненамеренным агенсом могут выступать только названия людей (см. все примеры выше). Названия животных в этой конструкции, хотя и могут быть использованы, встречаются очень редко и оцениваются носителями как находящиеся на грани грамматичности:

- (36) ^{??}kitan.i-f-as / *žaq'.ala-f-as dak'ar arɣ.u-ne.
 кошка-Апуд-Елат воробей-Апуд-Елат окно разбить(ся).Pf-Perf
Кошка / воробей случайно окно разбил(-а).

Таким образом, присоединение показателя апуд-элатива допустимо только к именам, обозначающим субъекты с максимально высокой степенью агентивности. Это ограничение, очевидно, связано с семантикой конструкции, поскольку ее функция заключается в том, чтобы маркировать непроизвольную каузацию какого-либо события. В случае же зверей и, тем более, птиц, насекомых и неодушевленных объектов сознательное и случайное воздействие на объект различить невозможно (т.е. действия имеют примерно одну и ту же степень осознанности и контроля, вследствие чего специально выразить ненамеренность не требуется).

Инвентарь глаголов, допускающих наличие апуд-элатива в значении ненамеренного агенса, также ограничен. Множество этих глаголов разбивается на два класса. С одной стороны, это Р-лабильные глаголы (некоторые из них см. в таблице 3)¹⁶, с другой стороны, это одноместные пациентные, или так наз. «неаккузативные», глаголы (примеры приведены в таблице 4).

Таблица 3. Р-лабильные глаголы в агульском языке.

arɣas	‘ломать(ся)’
aɫuzas	‘лить(ся)’
at'as	‘резать/порезаться’
at'usas	‘гасить/гаснуть’
daqas	‘открывать(ся)’
c'akas	‘искривлять(ся)’
čurqas	‘лопать(ся)/взрывать(ся)’
č'urXas	‘рвать(ся)’
č'ut'as	‘мять(ся)/гнуть(ся)’
dik'as	‘рассыпать(ся)’
durRas	‘сносить одежду/изорваться (об одежде)’
ičas	‘разбрызгивать(ся)’
k'es	‘убить/умереть’
qusas	‘рассыпать(ся)’

¹⁶ Р-лабильными называются глаголы, допускающие непереходное и переходное употребление, причем единственный актанта в непереходном употреблении глагола совпадает с пациенсом в переходном употреблении этого же глагола (ср. английские пары типа *The door opened* ‘дверь открылась’ vs. *He opened the door* ‘он открыл дверь’).

rūxes	‘варить(ся)’
uc'as	‘растопливать/таять’
ugas	‘жечь/гореть’

Таблица 4. Одноместные пациентные глаголы в агульском языке.

ac'as	‘наполниться’
adarxas	‘падать’
alaŋ.as	‘убежать (о молоке)’
gulas	‘теряться’
ket'as	‘проснуться, сворачиваться (о жидкости)’
kiXifas	‘вздрагивать’
kuras	‘грязниться’
q'ešas	‘мокнуть’
ruqas	‘высохнуть’
ruRas	‘остывать’
rutas	‘свернуться (о жидкости)’
t'aHas	‘опухать’
t'ušas	‘двигаться’

Как видно, все эти глаголы объединяются тем, что описывают процессы и события, которые могут происходить самопроизвольно, без вмешательства целенаправленно действующего агенса (таким образом, саму по себе конструкцию с ненамеренным агенсом можно рассматривать как критерий выделения в агульском языке «неаккузативных» глаголов). Отметим, что участник с ролью ненамеренного агенса не может присутствовать в предложениях со стандартным переходным глаголом:

- (37) *za-f-as guni ŋut'.u-ne.
 я-Apud-Elat хлеб есть.Pf-Perf
Я случайно хлеб съел.

Тем самым, оказывается, что симметричные конструкции типа (33)-(34) в действительности возможны только для Р-лабильных глаголов, имеющих как переходную (агентивную), так и непереходную (пациентную) модель управления. При этом допустимость конструкции с ненамеренным агенсом обеспечивается именно наличием непереходного варианта.

Глагол в конструкции с ненамеренным агенсом может стоять в любой форме, исключая императив и будущее интенциональное. Это ограничение, очевидно, связано с несовместимостью «случайности» ситуации и семантики этих глагольных форм, предполагающих контролируемость и намеренное осуществление действия.

В том случае, если глагол стоит в отрицательной форме, конструкция может быть интерпретирована двояко:

- (i) были все предпосылки к тому, чтобы участник осуществил действие, но он случайно этого не сделал (\approx ‘чуть было не Р’),
 (ii) участник пытался осуществить действие, но его усилия не привели к желаемому результату.

Обе эти интерпретации можно проиллюстрировать следующим примером:

- (38) gada.ji-f-as kuruška arŋ.u-ndawa.
 сын-Apud-Elat кружка ломать.Pf-Perf:Neg
 а. У сына кружка случайно не разбилась.
 б. У сына не получилось разбить кружку.

Кроме Р-лабильных и одноместных пациентных глаголов, возможность введения

ненамеренного агенса зафиксирована также при одноместном глаголе *q'anxas* 'опаздывать', ролевой тип которого определить затруднительно. Поведение этого глагола отличается от стандартного поведения, описанного выше. У большинства глаголов конструкция образуется путем введения дополнительного актанта, актанта в номинативе при этом не подвергается никаким изменениям (см. примеры выше). В отличие от этого, при глаголе *q'anxas* 'опаздывать' актанта в апуд-элативе вводится в предложение *вместо* исходного номинативного актанта. Нестандартна и семантическая интерпретация конструкции с ненамеренным агенсом при этом глаголе. Различие между номинативом и апуд-элативом заключается здесь скорее в расстановке акцентов. Номинативный вариант оформления единственного актанта указывает на то, что назначенный срок уже наступил, но участника ситуации до сих пор нет в назначенном месте. Апуд-элативный вариант кодирования описывает несколько иную ситуацию, а именно: участник ситуации прибыл в назначенное место, но это произошло позже назначенного срока. Нередко второй вариант используется в качестве извинения и подчеркивает, что опоздание произошло не по вине участника ситуации.

Тем самым, можно сказать, что глагол *q'anxas* 'опаздывать' имеет две альтернативные модели управления, которые соответствуют двум различным значениям этого глагола. Ср. следующие примеры:

- (39) *ruš q'anx.u-ne.*
 дочь опаздывать.Pf-Perf
Дочь опоздала.
- (40) *za-f-as q'anx.u-ne.*
 я-Апуд-Елат опаздывать.Pf-Perf
Я нечаянно опоздал.

Возвращаясь к ограничениям на употребление конструкции с ненамеренным агенсом, следует отметить, что она не допускает введения участников с такими семантическими ролями, которые предполагают наличие в ситуации обладающего волей и сознательно воздействующего на объект агенса (так наз. обстоятельства, ориентированные на агенса, см. [Тестелец 2001: 216-217]). Так, например, запрещено выражение семантических ролей инструмента (объект, с помощью которого агенса осуществляет воздействие на пациенс) и бенефактива (одушевленный участник, интересы которого затрагивает действие, осуществляемое агенсом). Для выражения этих ролей необходимо, чтобы действующее лицо было маркировано прототипическим показателем агенса – эргативом. Ср. следующие примеры:

- (41) *ʔʔ gada.ji-f-as šüše R.an.di-l-di arʕ.u-ne.*
 сын-Апуд-Елат стекло камень-Super-Lat разбить(ся).Pf-Perf
Сын случайно разбил стекло камнем.
- (42) **gada.ji-f-as šüše za-s arʕ.u-ne.*
 сын-Апуд-Елат стекло я-Dat разбить(ся).Pf-Perf
Сын случайно разбил стекло для меня.

Другие обстоятельства, характеризующие действия агенса, также не могут присутствовать в конструкции с ненамеренным агенсом. К таким обстоятельствам в агульском языке относятся, например, слова *qülias* 'со зла, назло', *ʔaşqunaldi* 'охотно', *teʕdidi* 'быстро'. Здесь, как и в предыдущем случае, необходимо, чтобы действующее лицо маркировалось эргативом. Ср. пример:

- (43) *ruš.a (*ruš.a-f-as) teʕdidi / qülias / ʔaşqunaldi berHem č'urX.u-ne.*
 дочь:Ерг дочь-Апуд-Елат быстро назло охотно платье рвать(ся).Pf-Perf
Дочь быстро / назло / охотно порвала платье.

С другой стороны, данные конструкции легко допускают введение причинных сирконстантов, указывающих на внешнее обстоятельство или стихию, повлекшие за собой наступление ситуации, что также подтверждает неагентивный статус участника в апуд-элативе. В этом случае конструкция с ненамеренным агенсом стандартно интерпретируется во втором значении, когда ситуация происходит «по недосмотру» участника, выраженного именем в апуд-элативе:

(44) za-f-as kulak.i-q-as kuruška arf.u-ne.

я-Апуд-Елат ветер-Post-Елат кружка ломать(ся).Pf-Perf

У меня из-за ветра кружка разбилась (например, я ее плохо держал, и сильным порывом ветра ее вырвало из моих рук).

(45) gada.ji-f-as baw gašila k'.i-ne.

сын-Апуд-Елат мать от_голода убивать/умирать.Pf-Perf

У сына мать от голода умерла (например, он за ней плохо ухаживал).

Итак, с точки зрения сочетаемости оказывается, что поведение апуд-элативного актанта в значительной степени отличается от обычного агентивного актанта в эргативе. Эти отличия свидетельствуют о том, что «ненамеренный агенс» представляет собой такую семантическую роль, которая на шкале агентивности находится ниже стандартного агенса. С другой стороны, инвентарь имен, допустимых в конструкции с ненамеренным агенсом, говорит о том, что семантически эта роль достаточно близка к собственно агенсу.

Теперь мы рассмотрим синтаксические свойства апуд-элативного актанта в конструкции с ненамеренным агенсом и сравним эти свойства со свойствами ядерных актанта S, А и О (т.е. единственного актанта одноместного глагола, агентивного актанта переходного глагола и пациентного актанта переходного глагола).

7.2. Синтаксический статус ненамеренного агенса

С синтаксической точки зрения агульский язык, как и большинство других дагестанских языков, относится к языкам с «ролевой доминацией» (см. [Foley and Van Valin 1984]) или к «ролевым языкам» (см. [Kibrik 1997; Кибрик 2003: главы 7-10, 16], т.е. к таким, которые при построении аргументной структуры предложения в основном опираются на ролевые, а не прагматические или синтаксические характеристики актанта. Соответственно, большинство стандартных синтаксических тестов, применяемых для выделения подлежащего, в агульском языке оказываются либо неприменимыми, либо не различают актанта S, А и О. В данном исследовании с целью выявления синтаксически приоритетных актанта были применены следующие тесты (список тестов с их описанием см., например, в [Onishi 2001]):

- порядок слов (первая позиция в предикации);
- контроль нулевого субъекта в зависимой клаузе (для хас 'мочь');
- возможность кореферентного опущения в сентенциальном актанте;
- актантная рефлексивизация (способность аргумента контролировать рефлексивное местоимение в актантной позиции);
- посессивная рефлексивизация (способность аргумента контролировать рефлексивное местоимение в генитиве);
- релятивизация (способность аргумента быть вершиной относительного предложения);
- контроль демонстратива в зависимой клаузе (способность аргумента контролировать указательное местоимение в зависимой клаузе);
- контроль сочинения (способность аргумента контролировать кореферентное со-

- кращение в сочинительных конструкциях);
- номинализация (оформление аргумента генитивом при масдаре).

Как уже было сказано, большинство этих тестов либо неприменимы, либо не выделяют ни один из актантов. Так, например, оказывается, что антецедентом рефлексивного местоимения может быть любой из аргументов клаузы, в т. ч. периферийный (и даже обстоятельство места). См. следующие примеры:

(46) а. *gada.ji_i uč_i k'.i-ne.*
 мальчик:Erg сам:Nom убивать/умирать.Pf-Perf

б. *gada_i uč.i_i k'.i-ne.*
 мальчик сам:Erg убивать/умирать.Pf-Perf
Парень сам себя убил.

(47) а. *dad.a_i uč.i-q-tī_i unaq'.u-ne gada.ji-s.*
 отец:Erg сам-Post-Lat позвать.Pf-Perf сын-Dat

б. *dad.a-q-tī_i uč.i_i unaq'.u-ne gada.ji-s.*
 отец-Post-Lat сам:Erg позвать.Pf-Perf сын-Dat
Отец позвал сына к себе.

Единственным ограничением в предложениях 46б) и (47б) является линейный порядок составляющих: актант, выраженный рефлексивным местоимением, не может предшествовать актанту, выраженному полной именной группой. Такая же ситуация и в случае ненамеренного агенса:

(48) а. *gada.ji-f-as_i k'.i-ne uč_i.*
 мальчик-Apud-Elat убивать/умирать.Pf-Perf сам:Nom

б. *gada_i uč.i-f-as_i k'.i-ne.*
 мальчик:Nom сам-Apud-Elat убивать/умирать.Pf-Perf
Парень сам себя случайно убил.

В большинстве использованных тестов ограничения, если и имеются, то носят, скорее, прагматический, чем синтаксический характер. Результаты тестов приведены в таблице 5¹⁷.

Таблица 5. Результаты синтаксических тестов.

	S	A	D	IA	O
порядок слов	+	+	+	+	–
коррелативность-контроль	+	?	+	+	?
коррелативность-опущение	+	+	+	(=A)	–
актантная рефлексивизация	+	+	+	+	+
посессивная рефлексивизация	+	+	+	+	+
релятивизация	+	+	+	(=A)	+
контроль демонстратива	+	+	±	±	–
контроль сочинения	+	+	+	+	–
номинализация	+	+	+	+	+

Как видно из приведенной таблицы, из всех перечисленных выше тестов только

¹⁷ В таблице использованы следующие условные обозначения: S – единственный актант непереходного глагола, A – агенс при переходном глаголе, D (датель) – экспириенцер при аффективном глаголе, IA – ненамеренный агенс, O – пациенс при переходном глаголе, ? – тест в данном случае неприменим, (=A) – в данном контексте предложение формально не отличимо от стандартной переходной конструкции.

два позволяют выделить приоритетные актанты в клаузе: контроль указательного местоимения и контроль сочинения. Оба этих теста отграничивают актанты S и A от актанта O:

(49) Контроль демонстратива в зависимой клаузе

- а. ʔajʂat_i ad.i-ne uč-i-s_i / *gi-s_i fat'im.i kümek q'.u-b badala.
Айшат приходит.Pf-Perf [сам-Dat этот-Dat Фатима:Erg помощь делать.Pf-Msd чтобы]
Айшат пришла, чтобы Фатима ей помогла.
- б. ʔajʂat.a_i i-ne dad.a-l-di kitab
Айшат:Erg дать.Pf-Perf отец-Super-Lat книга
ti uč.i-s_i / *gi-s_i ge ruX.u-b badala.
[тот:Erg сам-Dat этот-Dat этот читать.Pf-Msd чтобы]
Айшат дала отцу книгу, чтобы он ей почитал ее.
- в. ʔajʂata.s_i ag.u-ne uč.i-s_i / ??gi-s_i faji-nde kitab.
Айшат-Dat видеть.Pf-Perf [сам-Dat этот-Dat приносить-Part3] книга
Айшат увидела книгу, которую ей принесли.
- г. ʔajʂat.a-f-as_i gul.u-ne uč.i-l-di_i / ??gi-l-di_i faji-nde kitab.
Айшат-Apud-Elat теряться.Pf-Perf [сам-Super-Lat этот-Super-Lat приносить-Part3] книга
У Айшат потерялась книга, которую она принесла.
- д. ʔajʂat.a_i hat.u-ne ruš
Айшат:Erg посылать.Pf-Perf дочь
fat'im.i uč.i-s_i / gi-s_i berHem ag.arq'.u-b badala.
[Фатима:Erg сам-Dat этот-Dat платье показать.Pf-Msd чтобы]
Айшат послала дочь, чтобы Фатима показала ей платье.

(50) Сочинительное сокращение

- а. gada_i ∅_i ad.i-na Rarx.u-ne.
мальчик [∅_{НОМ} приходит.Pf-Conv] спать-Perf
Мальчик пришел и заснул.
- б. gada.ji_i ∅_i ad.i-na ruš.a-s jarH.u-ne.
мальчик:Erg [∅_{НОМ} приходит.Pf-Conv] девочка-Dat ударять.Pf-Perf
Мальчик пришел и ударил девочку.
- в. gada.ji-s_i ∅_i ad.i-na ruš ag.u-ne.
мальчик-Dat [∅_{НОМ} приходит.Pf-Conv] девочка видеть.Pf-Perf
Мальчик пришел и увидел девочку.
- г. gada.ji-f-as_i ∅_i ad.i-na šüše arġ.u-ne.
мальчик-Apud-Elat [∅_{НОМ} приходит.Pf-Conv] бутылка ломать.Pf-Perf
Мальчик пришел и нечаянно разбил бутылку.
- д. *gada.ji Hüni_i qaj-na ∅_i uz.u-ne.
мальчик:Erg [корова возвращаться.Pf-Conv] ∅_{НОМ} доить.Pf-Perf
Корова вернулась, и мальчик подоил ее.

Таким образом, можно сказать, что ненамеренный агент синтаксически ведет себя как приоритетный S/A актант. Заметим, что в конструкции с ненамеренным агентом пациентный актант ведет себя как O актант в переходном предложении (несмотря на то, что ненамеренный агент является по сути факультативным актантом), ср.:

(49) Контроль демонстративов у пациентного актанта

е. Hüni_i gul.u-f uĉ_i / ge_i Ruš.u-nde gada.ji-f-as.
корова теряться.Pf-Part [сам / этот брать.Pf-Part3] мальчик-Apud-Elat
Корову потерял мальчик, который ее купил.

(50) Сочинительное сокращение у пациентного актанта

е. ??gada.ji-f-as kitan_i Xul.a-s ad.i-na Ø_i k'.i-ne.
мальчик-Apud-Elat [кошка дом-Dat приходит.Pf-Conv] Ø_{НОМ} убивать/умирать.Pf-Perf
Кошка зашла в дом, и мальчик случайно ее убил.

Итак, ненамеренный агенс проявляет некоторые свойства синтаксически приоритетного актанта, сближающие его с наиболее приоритетным актантом S/A. С другой стороны, пациенс в конструкции с ненамеренным агенсом ведет себя так же, как пациенс в стандартной транзитивной конструкции. Таким образом, можно считать, что синтаксический статус аргументов в конструкции с ненамеренным агенсом близок к синтаксическому статусу аргументов при переходном глаголе (т.е. к статусу «подлежащего»). Вместе с тем, следует отметить, что сами тесты, использованные для отграничения приоритетных актантов (контроль сочинения и контроль демонстратива), по-видимому, в агульском языке во многом имеют не синтаксическую, а прагматическую природу. Так, например, запреты на контроль указательного местоимения в зависимой клаузе нередко связаны с прагматическими характеристиками актанта (тема повествования, фокус и пр.).

8. Апуд-элатив в конструкции «нежелательного действия»

Еще одной конструкцией агульского языка, в которой возможно употребление падежа локализации APUD (апуд-элатива), является конструкция со значением неконтролируемого осуществления действия – ‘случилось так, что’. Она состоит из масдара смыслового глагола и глагола *has* ‘стать’, при этом ‘стать’ выступает в качестве «рамочного» предиката, в который может быть вставлена любая клауза. По семантике данная конструкция близка к безличной: ‘(независимо от чьей-либо воли) имела место ситуация P’. Ср. следующие примеры, в которых вершиной «вставленной» клаузы является, соответственно, непереходный и переходный глагол, а также глагол восприятия:

(51) zun uš.u-b x.u-ne ge-wur.i-n Xul.a-s.
[я уходить.Pf-Msd] стать.Pf-Perf этот-Pl-Gen дом-Dat
Получилось так, что я зашел к ним домой.

(52) gi k'ildi guni ŋut'.u-b x.u-ne.
[этот:Erg весь хлеб естьPf-Msd] стать.Pf-Perf
Получилось так, что он хлеб съел (а это был последний кусок в доме).

(53) guš.a-s ge ag.u-b x.u-ne.
[дочь-Dat этот видеть.Pf-Msd] стать.Pf-Perf
Получилось так, что дочь это увидела (например, спрятанный от нее подарок).

Как видно по этим примерам, в данной конструкции оформление субъекта следует «немаркированной» стратегии: имя, называющее субъект действия, оформляется тем падежом, который диктуется моделью управления смыслового глагола.

Семантических ограничений на возможность смыслового глагола выступать в рамках данной конструкции не имеется: это может быть глагол любого класса вне зависимости от контролируемости/неконтролируемости ситуации или ролевого типа (агентивный, пациентный, экспериенциальный и пр.). В качестве субъекта «вставленного»

предиката также возможны любые имена: как одушевленные (люди, животные, птицы), так и неодушевленные:

(54) Hüni xilik'.i-b x.u-ne.
[корова околеть.Pf-Msd] статья.Pf-Perf
Случилось так, что корова околела.

(55) dar adarx.u-b x.u-ne.
[дерево падать.Pf-Msd] статья.Pf-Perf
Случилось так, что дерево упало.

Наиболее часто такая конструкция употребляется для объяснения того, почему запланированное событие не состоялось, при этом почти всегда имеется отчетливая отрицательная коннотация:

(56) – Ну что, вы уже достроили дом?

ix̄p-ar uR.u-b x.u-ne.
[снег-Pl выпадать.Pf-Msd] статья.Pf-Perf
– *(Нет, в этом году не успели,)* *Случилось так, что снег пошел (и пришлось прекратить строительство).*

(57) – Вы же собирались машину покупать, почему не купили?

wallah, c'ik'inar aq'.u-b x.u-ne.
валлах [свадьба делать.Pf-Msd] статья.Pf-Perf
– *Валлах, свадьбу сыграли (денег не осталось на машину).*

«Ретроспективный» взгляд на ситуацию обуславливает невозможность использования данной конструкции во временных планах настоящего и будущего:

(58) ??gi up.u-b x.a-se.
[этот:Erg говорить.Pf-Msd] статья.Pf-Fut
Получится так, что он это случайно скажет.

Возможна также стратегия оформления субъекта конструкции апуд-элативом, причем такое оформление модифицирует семантику конструкции и существенно меняет ее сочетаемостные свойства. Наличие субъекта в апуд-элативе влечет за собой усиление «субъективного», оценочного компонента: конструкция подчеркивает сожаление, признание того, что субъект поступил неправильно. См. следующий пример (ср. с (51)):

(59) za-f-as uš.u-b x.u-ne ge-wur.i-n Xul.a-s.
я-Apud-Elat уходить.Pf-Msd статья.Pf-Perf этот-Pl-Gen дом-Dat
Получилось так, что я зашел к ним домой.

Такое предложение, например, может быть произнесено в том случае, если субъект не знал, что не следует ходить к этим людям, или же знал, но под давлением обстоятельств все же был вынужден сделать это.

Семантика конструкции, предполагающая контролируемость описываемой ситуации (оценивать как неправильные можно только контролируемые события), обуславливает и семантические ограничения на свойства субъекта и предиката, а именно: субъект данной конструкции должен являться агентом, т.е. одушевленным, сознательно и целенаправленно действующим участником. Прототипическим носителем таких свойств является человек. Соответственно, только имена, обозначающие людей, могут присутствовать в качестве субъекта. Ср. невозможность поставить в позицию субъекта название животного:

- (60) ^{??}kitan.i-f-as nek̄ uX.u-b xu-ne.
 кошка-Apud-Elat молоко пить.Pf-Msd стать.Pf-Perf
Случилось так, что кошка молоко выпила.

С другой стороны, наличие в описываемой ситуации агенса означает и то, что предикатами этой конструкции могут быть только агентивные глаголы (как переходные, так и непереходные, см. примеры выше). Напротив, употребление неагентивных глаголов в такой конструкции невозможно¹⁸. Следующее предложение показывает это на примере глагола *alurq'as* 'падать', который, в отличие от глагола *падать* в русском языке, не имеет контролируемой интерпретации:

- (61) *gada.ji-f-as alurq'.u-b x.u-ne.
 мальчик-Apud-Elat падать.Pf-Msd стать.Pf-Perf
Случилось так, что мальчик упал.

Таким образом, формальное различие стратегий оформления субъекта («нейтральной» и апуд-элативной) коррелирует с различием в их семантике. В первом случае имеется безличная конструкция 'случилось так, что', в которой смысловой глагол со всеми зависимыми «вставлен» в рамочный предикат *has* 'стать'. Во втором случае конструкция становится в большей степени «личной» за счет того, что имеется агентивный участник, признающий свою «ответственность» за нежелательную ситуацию, произошедшую помимо его воли. Синтаксически, по всей видимости, именная группа, обозначающая данного участника, при второй стратегии оформления зависит непосредственно от глагола *has* 'стать': 'со мной (с ним и т.п.) случилось так, что'.

9. Обсуждение и заключение

Итак, мы подробно рассмотрели типы употребления падежей локализации APUD 'возле ориентира' в агульском языке. Как выяснилось, с собственно пространственным значением данная локализация используется в достаточно ограниченном и специфическом контексте – при характеристике расположения объекта рядом с ориентиром в случае временного, случайного, независимого от свойств ориентира отношения между ним и объектом ('временно поставить у стены', 'случайно проходить мимо дома' и пр.).

В свою очередь, типов использования локализации APUD в непространственных контекстах много, при этом нельзя не заметить нечто общее, что их объединяет – это все тот же компонент независимости (или не полной зависимости) ситуации от действий участника, элемент временности или случайности, слабой контролируемости ситуации с его стороны:

1) апуд-эссив обозначает «актуального посессора», т.е. участника, в обладании которого объект находится не «вообще», а временно, в данный момент; соответственно, апуд-латив используется в значении временного реципиента ('тот, кто временно получает объект в обладание'), а апуд-элатив – исходного посессора ('тот, кто утрачивает обладание объектом');

2) апуд-элатив используется также при глаголах речевого взаимодействия для обозначения одушевленного источника информации (того, у которого что-то узнают, спрашивают и т.п.); эту роль можно рассматривать как один из типов исходного посессора, только обладаемым является в данном случае информация.

В этих типах употреблений исходная пространственная метафора прослеживается еще достаточно четко ('тот, возле которого находится объект' > 'обладающий объ-

¹⁸ В этом отношении сочетаемость конструкции нежелательного действия «обратна» по отношению к сочетаемости конструкции с ненамеренным агенсом.

ектом'); ср. аналогичное совмещение значений у русского предлога *у*: *у ворот стоит машина* (нахождение рядом) > *у Пети есть собака* (посессор), *у Пети отобрали игрушку* (исходный посессор), *я узнал у Пети расписание уроков* (источник информации).

Далее, имеется группа употреблений падежей локализации APUD, связанных с кодированием специфических ролей с «пониженной агентивностью»:

1) в каузативной конструкции апуд-эссив и апуд-элатив кодируют каузируемого участника – участника изначально агентивного, который при этом в описываемой ситуации действует не по своей воле, а вследствие воздействия другого, более агентивного участника (каузатора);

2) в конструкции с «ненамеренным агенсом» апуд-элатив кодирует участника с особой семантической ролью: это участник, который оказывает воздействие на объект случайно, не желая этого (например, не замечая, что воздействует на объект), либо прилагает недостаточно усилий для предотвращения ситуации (которая происходит «по недосмотру» субъекта);

2а) особой интерпретацией конструкции с «ненамеренным агенсом» является та, при которой субъекту удается осуществить действие благодаря приложению усилий – при этом достижение результата не полностью зависит от усилий субъекта и сопровождается оттенком «везения» ('он сумел', 'у него получилось' и пр.)

3) в модальной конструкции со значением возможности апуд-элатив обозначает субъекта возможности – участника, который способен или которому разрешено осуществить действие;

4) в конструкции со значением неконтролируемого возникновения ситуации ('случилось так, что...') апуд-элатив способен вводить в рассмотрение лицо, принявшее участие в ситуации не по своей воле и признающее нежелательность своего действия.

Мы не настаиваем на том, что у локализации APUD в агульском языке следует выделять некоторое единое инвариантное значение, толкование которого было бы применимо ко всем случаям ее употребления. Тем не менее, нельзя не заметить, что падежи данной локализации в последней группе непространственных значений оформляют одушевленного участника, обладающего агентивными свойствами (хотя и не в полной мере); это значит, что данную локализацию можно отнести к средствам кодирования в агульском языке агенса (а, например, не пациента, адресата и т.п.) в одной из его разновидностей.

Наиболее типичные свойства агенса как одной из важнейших семантических ролей, определяются у современных авторов следующим образом:

- Ч. Филлмор: «Агентив – падеж обычно одушевленного инициатора действия, идентифицируемого с глаголом» [Филлмор 1981: 405];
- Т. Гивон: «Прототипическое переходное предложение содержит наделенный волей, контролирующий событие, активно иницирующий событие Агенса, который несет ответственность за событие и, таким образом, является его выделенной причиной» [Givón 1994: 4] (цит. по [Кибрик 2003: 142]);
- А. Е. Кибрик: «Термином «агенса» обозначают одушевленного участника ситуации, ее намеренного инициатора, который контролирует ситуацию, непосредственно исполняет соответствующее действие и является «источником энергии» этого действия» [ЛЭС 1990: 17];
- Я. Г. Тестелец: «Агенса – одушевленный инициатор действия, контролирующий его (способный по своей воле начать его и прекратить)»; это «наиболее “влиятельный” контролер», который может быть опознан, в частности, при помощи теста на присоединение агентивных обстоятельств типа *намеренно* [Тестелец 2001: 213].

Как мы видим, агентивная роль в своем «классическом» виде включает несколько важных составляющих: как правило, это одушевленный участник, он выступает причиной события, он наделен волей и контролирует свои действия. В последние годы получил распространение подход к роли агенса (а также пациенса) именно как к «кластеру» определенных свойств: каждое из них не является само по себе необходимым и достаточным для кодирования участника как агенса (пациенса), однако его грамматическое оформление напрямую зависит от того, насколько велико число агентивных (или, соответственно, пациентивных) свойств у различных участников ситуации. Данный подход был сформулирован в работе [Dowty 1991], где в качестве прототипических свойств агенса (точнее, так наз. «прото-агенса») указываются:

- a. волевое, намеренное участие в ситуации (volitional involvement);
- b. способность к ощущениям, восприятию (sentience);
- c. каузация изменения состояния другого участника;
- d. подвижность (по отношению к позиции другого участника);
- e. независимое существование (от ситуации, обозначенной данным глаголом).

Как было показано на материале английского языка, каждое из «прото-агентивных» свойств является независимым и может выступать в отсутствие других (для оформления участника как подлежащего важно лишь, чтобы число прото-агентивных свойств у другого участника было меньшим). Так, только волеивность имеется у основного участника в примере *John is being polite to Bill* 'Джон вежлив с Биллом', только способность к восприятию в примере *John knows/believes/is disappointed at the statement* 'Джон знает/верит/разочарован этим утверждением', только каузация в примере *His loneliness causes his unhappiness* 'Его одиночество приводит к его подавленности', только движение в примере *The rolling tumbleweed passed the rock* 'Перекати-поле прокатилось мимо камня' и только независимое существование в *John needs a new car* 'Джону нужна новая машина'. Во всех таких случаях участник с наибольшим (пусть и не очень большим в абсолютном измерении) числом прото-агентивных свойств кодируется как подлежащее в английском языке.

С типологической точки зрения интересны, однако, те ситуации, когда отсутствие одного (или нескольких) свойств агенса приводит к изменению грамматического оформления. Во многих языках мира наряду с «каноническим» агентивным маркированием имеются и «неканонические» средства, используемые в тех случаях, когда участник по своим свойствам «не дотягивает» до прототипического агенса¹⁹ – используется не основной падеж подлежащего/агенса (номинатив, эргатив), а другое средство (косвенный падеж, предложная/послеложная группа и т.п.); см. подробнее [Acketman, Moore 2001; Onishi 2001]. Ср., например, многочисленные случаи в русском языке, когда чувствующий, но не контролирующий ситуацию участник кодируется не номинативной именной группой – *Мне ничего не видно, Меня тошнит, У меня болит голова* и т.п.

В агульском языке, как языке эргативного строя, прототипическим падежом агенса является эргатив (либо номинатив у одноместных агентивных глаголов). Материал, рассмотренный в нашей статье, позволяет утверждать, что падежи локализации APUD в агульском языке выступают (наряду с другими функциями) в роли специализированного средства маркирования одной из разновидностей агенса – а именно, роли участника, обладающего рядом прото-агентивных свойств, но не обладающего «свойством №1» –

¹⁹ Сказанное верно и относительно пациенса (в языках мира встречаются случаи вариативности в оформлении пациенса в зависимости от наличия или отсутствия определенных прото-пациентивных свойств), однако здесь мы отвлекаемся от этой проблемы.

«волитивное, намеренное участие в ситуации». Употребления, в которых апуд-эссив и апуд-элатив выражают данный тип участника, были охарактеризованы в разделах 5-8. Тем самым, для употребления агульских падежей локализации APUD в полной мере верно сказанное в свое время Е. А. Бокаревым: «местные падежи могут выступать даже в функции наиболее “грамматических” падежей, т.е. падежей, выражающих субъектно-объектные отношения между членами предложения. Здесь конкретно-локальная семантика местных падежей уже совершенно отступает на задний план, уступая место абстрактно-грамматическим значениям» [Бокарев 1948б: 64].

Интересно, что русский предлог *у*, приводившийся выше в качестве эквивалента локализации APUD в некоторых типах употреблений, выступает и в ряде контекстов «пониженной агентивности» – ср. *у Пети разбилась чашка* (случайность), *у Пети получилось выломать дверь* (возможность) и пр. В точности дистрибуция русского предлога и агульской локализации, конечно, не совпадают, между ними есть и немало отличий. Тем не менее, подобные параллели указывают на то, что исследование непространственных значений дагестанских локативных падежей, начатое Е. А. Бокаревым, представляет значительный интерес для семантической и синтаксической типологии в целом.

Обозначения

В строке морфемного разбора корень отделяется точкой от показателя косвенной основы существительного и показателя видовой основы у глаголов. Формально не маркированные значения – номинатив, единственное число, эссив – обычно не глоссируются (номинатив обозначается в предложениях с анализом синтаксической структуры).

Adv	наречная форма	Lat	латив
Apud	локализация «возле»	Msd	масдар
Conv	деепричастие	Neg	отрицание
Conp	глагол-связка	Nom	номинатив
Dat	датив	Part	причастие
Excl	эксклюзивность	Perf	перфект
Elat	элатив	Pf	совершенный вид
Erg	эргатив	Pl	множественное число
Fut	будущее время	Post	локализация «сзади»
Gen	генитив	Prs	настоящее время
Imp	императив	Q	маркер общего вопроса
Incl	инклюзивность	Super	локализация «вверху»
Ipf	несовершенный вид		

Литература

Алексеев М. Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985.

Алексеев М. Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М., 1988.

Алексеев М. Е. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени. М., 2003.

Бокарев Е. А. Выражение субъектно-объектных отношений в дагестанских языках // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948а. № 1.

Бокарев Е. А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках // Язык и мышление. Т. XI. М.–Л., 1948б.

Бокарев Е. А. О категории падежа (применительно к дагестанским языкам) // Вопросы языкознания. 1954а. № 1.

Бокарев Е. А. Эргативный падеж в языках цезской группы // Языки Дагестана. Вып. 2.

Махачкала, 1954б.

Бокарев Е. А. Из истории склонения в языках цезской группы Дагестана: Опыт сравнительно-исторического изучения бесписьменных языков // Академику В. В. Виноградову к его 60-летию. М., 1956.

Бокарев Е. А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М. 1959.

Бокарев Е. А. К реконструкции падежной системы пралезгинского языка // Вопросы грамматики. Сб. статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.–Л., 1960.

Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990.

Ганенков Д. С., Мерданова С. Р. Семантика пространственных форм существительных в агульском языке // Плунгян В. А. (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М., 2002.

Даниэль М. А., Майсак Т. А., Мерданова С. Р. Каузативы, декаузативы и лабильность в агульском языке // Международный симпозиум «Типология аргументной структуры и синтаксических отношений»: Тезисы докладов. Казань, 2004.

Дирр А. Агульский язык. (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 37.) Тифлис, 1907.

Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.

Кибрик А. Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. М., 1970.

Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб, 2003.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М., 1988.

ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Магомедов А. А. Агульский язык: Исследования и тексты. Тбилиси, 1970.

Майсак Т. А., Мерданова С. Р. Система пространственных превербов в агульском языке // Плунгян В. А. (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М., 2002.

Майсак Т. А., Мерданова С. Р. «Проверяемая форма» в агульском языке: структура, семантика и гипотеза о происхождении // Ландер Ю.А., Плунгян В. А., Урманчиева А.Ю. (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреализм и ирреальность. М., 2003.

Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала, 1987.

Сулейманов Н. Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993.

Тарланов З. К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994.

Тестелец Я. Г. Некоторые вопросы типологии систем пространственного склонения в дагестанских языках. Дипломная работа. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1980.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981.

Шаумян Р. М. Грамматический очерк агульского языка (с текстами и словарем). М.–Л., 1941.

Ackerman, Farrell & John Moore. Proto-Properties and Grammatical Encoding: A Correspondence Theory of Argument Selection. Stanford: CSLI Publications, 2001.

Comrie, Bernard & Maria Polinsky. The great Daghestanian case hoax // Siewerska, Anna & Jae Jung Song (eds.) Case, Typology and Grammar. In honor of Barry J. Blake. Amsterdam: Benjamins, 1998.

Dowty, David. Thematic proto-roles and argument selection // Language 67: 547-619, 1991.

Foley, William & Robert Van Valin, Jr. Functional Syntax and Universal Grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Haspelmath, Martin. A grammar of Lezgian. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.

Heine, Bernd. Possession: Cognitive sources, forces, and grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Kibrik, Aleksandr E. Beyond subject and object: Towards a comprehensive relational typology // Linguistic Typology, 1-3, 1997. Pp. 279-346.

Kittilä, Seppo. A Typology of Involuntary Agent Constructions. In prep.

Onishi, Masayuki. Introduction. Non-canonically marked subjects and objects: Parameters and Properties // Aikhenvald, Alexandra Y., R.M.W. Dixon & Masayuki Onishi (eds.) Non-canonical Marking of Subjects and Objects. Amsterdam: Benjamins, 2001.